УДК 342(075.8)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО МОРАЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ

Бумагин А.Н.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GROUNDS FOR RESTRICTING THE PUBLICITY OF LEGAL PROCEEDINGS ON MORAL GROUNDS

Bumagin A.N.

Bumagin A.N. *– Court President of the Arbitration Court of the Orel region, Russian Federation, Orel, e-mail: info@orel.arbitr.ru*

The article is devoted to the investigation of a number of constitutional and legal problems associated with the possible restrictions on the right to public hearing on moral grounds. The author proves that morality is a necessary basis for restrictions on the constitutional right of society to public trial. Contraction of moral grounds to protect the intimate life, honor and dignity in the current Russian law to ensure participants in proceedings and ensure the rights of minors, deprives the court of legal possibility under certain circumstances of moral content to make the decision of closed trial, while Art. 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms allows it.

Keywords: right to public hearing, restrictions on citizen's rights and freedoms, justice, closed trial.

В соответствии с положениями ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[1] основанием для ограничения права на публичное разбирательство являются обстоятельства морального характера. В такой постановке мы не находим прямого аналога в действующем регулировании российского процессуального законодательства, будь то конституционный, гражданский, арбитражный, уголовный процесс или производство по делам об административных правонарушениях. Вместе с тем данное основание сравнительно широко распространено в конституциях зарубежных стран. Оно непосредственно указано в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая является составной частью правовой системы России на основании нормы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ[2]. Некоторые основания ограничения гласности в судопроизводстве, предусмотренные в российском процессуальном законодательстве, имеют моральный характер. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ в числе оснований, по которым допускаются ограничения прав и свобод человека и гражданина, указывает «нравственность». Однако не следует отрицать, что российские законодательные ограничения права на публичное разбирательство по моральным основаниям – более узкие, чем это предусмотрено Европейской конвенцией, рядом конституций зарубежных стран. Понятие «морали» может быть истолковано гораздо шире. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ в данном случае не может непосредственно применяться судами, поскольку в ней даются указания законодателю, не правоприменителю. Это дает основания для исследования заявленной проблематики в аспекте возможного изменения действующего процессуального законодательства, расширения прав участников процесса ходатайствовать о закрытом разбирательстве перед судом, полномочий суда удовлетворять подобные ходатайства (или отказывать в удовлетворении), принимать решения о закрытом разбирательстве по своей инициа-

[1] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // Российская газета. 2013. 5 июля.

тиве, если этого требуют моральные обстоятельства[3].

Исследование проблематики морали в аспекте правомерного ограничения права на публичное судебное разбирательство осложняется еще двумя важными обстоятельствами. Прежде всего, сложившаяся практика Европейского суда по правам человека весьма фрагментарно затрагивает эту сферу[4]. Если вопросы безопасности, общественного порядка, частной жизни, интересов правосудия сравнительно полно представлены в практике данного Суда, то моральные основания не нашли полного и всестороннего выражения в его деятельности. В качестве примеров (по сути, косвенных) можно привести: во-первых, дело «Олуич против Хорватии», в котором заявителем выступил председатель Верховного суда страны, обвиняемый в нарушении судейской этики. Национальная судебная инстанция при рассмотрении его дела не допустила публику на слушание на основании того, что это было необходимо для защиты достоинства заявителя лично и судебной власти в целом, не раскрывая эти доводы подробно. Однако сам заявитель просил сделать слушание открытым, что свидетельствовало о том, что он не считал необходимым защищать свою честь и достоинство. Кроме того, поскольку разбирательство затрагивало столь высокую публичную должность и уже высказывались предположения о том, что дело против заявителя имело политический характер, открытый характер разбирательства, по мнению Европейского суда по правам человека, явно отвечал бы интересам заявителя и общества в целом[5]. Во-вторых, косвенным примером может служить дело «Шлумпф против Швеции», в котором Европейский суд признал нарушением ст. 6 Конвенции отказ национального суда в публичном разбирательстве дела, в то время как заявитель ходатайствовал о публичности разбирательства. Примечательно, что предмет судебного разбирательства затрагивал весьма тонкую с моральной точки зрения проблему изменения пола и признания лица «транссексуалом», т.е. «мужчиной-женщиной»[6]. Заявитель не стремился скрыть от общества подобные факты, инициатива ограничения публичности разбирательства исходила от суда. Из приведенных примеров видно, что моральное основание скорее оспаривалось заявителями с точки зрения его правомерности при ограничении права на публичное разбирательство, чем требовалось им в качестве инструмента обоснования закрытого судебного разбирательства. Европейская конвенция предоставила сторонам возможность пользоваться моральным основанием в целях обращения с ходатайствами о закрытом разбирательстве, однако правообладатели не слишком активно к нему прибегают.

Кроме этих обстоятельств важно подчеркнуть, что понятие «мораль» является до такой степени многозначным в социальной философии, социологии, юриспруденции и других гуманитарных науках[7], что, возможно, требуется сужение юридического значения этого термина в контексте применения ст. 6 Европейской конвенции. В противном случае всякое отступление от общезначимых социальных норм могло бы толковаться

[3] См.: Лазутина О.И. Разбирательство дела в закрытом судебном заседании // Арбитражная практика. – 2010. – № 1. – С. 10–17.

[4] См.: Амосов С.М. Право на суд в соответствии со статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: сравнительный анализ подходов Европейского суда и российских арбитражных судов // Право и экономика. – 2009. – № 3. – С. 91–94; Селютина Е.Н. Правовой статус ребенка как юридическая категория: понятие, структура, специальная правосубъектность// Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 2–1 (12). С. 87–93; Нешатаева Т.Н. Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и право на суд // Вестник ВАС РФ. – 1999. – № 5. – С. 96–98.

[5] См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2009 г. Дело «Олуич против Хорватии» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2009. – № 6.

[6] См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 января 2009 г. Дело «Шлумпф против Швеции» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2009. – № 5.

[7] См.: Голубева Г.А. Взаимодействие морали и права. Дис… докт. фил. наук. М., 1990. С. 23–89. Слесарев А.А. Мораль и право в философских концепциях Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше // Проблемы формирования правового социального государства в современной России. – Новосибирск: НГАУ, 2013. – С. 122–125; Напалкова И.Г. Философская разработка проблем морали права и политики в творчестве И. Канта // Юридический вестник. – 2004. – № 1. – С. 10–12.

в пользу допустимости ограничения публичности судебного разбирательства, что препятствовало бы возможности общественности следить за ходом судопроизводства, социальному контролю над правосудием в целом. Однако здесь возможен и прямо противоположный подход, основанный на более широкой дискреции суда и всесторонней оценке судом обстоятельств, которые положены в обоснование ходатайства сторон или судебного решения о проведении закрытого слушания[8]. При таком подходе признается широкое значение термина «мораль», а сужение сферы усмотрения суда происходит благодаря ограничительному толкованию обстоятельств морального содержания, которые могут служить достаточным основанием для отступления от общего правила публичности судебного разбирательства ввиду «перевеса» моральных аргументов в пользу закрытого слушания в ущерб контролю общественности над правосудием[9].

В пользу последнего подхода свидетельствует позиция Верховного Суда РФ, выраженная им в Постановлении Пленума «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе информации о деятельности судов» от 13 декабря 2012 г. № 35 применительно к вопросу об основаниях ограничения права на публичное разбирательство в целях защиты частной жизни сторон. Верховный Суд РФ подчеркнул, что наличие в деле сведений, относящихся к частной жизни участвующих в деле лиц, не является безусловным основанием для принятия судом решения о проведении разбирательства дела в закрытом режиме. Судам при решении соответствующих вопросов надлежит принимать во внимание «характер и содержание сведений о частной жизни лица, а также возможные последствия разглашения таких сведений»[10]. Аналогичным образом, если в российском законодательстве будет признана допустимость проведения закрытых слушаний по моральным основаниям, судам следует оценивать характер и содержание моральных вопросов, а также возможные последствия придания огласки соответствующим сведениям.

Тем не менее анализ действующего процессуального законодательства России позволяет высказать мнение о наличии ряда моральных оснований для ограничений публичности разбирательства в судах: в гражданском процессе – интересы защиты интимной жизни сторон, потребность в обеспечении чести и достоинства (но не деловой репутации) граждан и организаций. В уголовном судопроизводстве – особенности разбирательства дел о половых преступлениях и других уголовно наказуемых деяниях если это сопряжено с охраной конфиденциальности интимной жизни. Кроме того, в уголовном процессе следует учитывать особую роль СМИ как внепроцессуального средства усиления гласности правосудия. Слишком широкое привлечение внимания общественности к определенным преступлениям может вредно отразиться на общественной морали, включая неумышленную пропаганду преступлений, нагнетание в обществе настроений беззащитности и страха перед преступностью, неуверенности в эффективности правоохранительной системы и т.д.

В связи с этим следует обратить внимание на еще одну проблему. Вопрос о соотношении публичности и конфиденциальности правосудия органически связан с обеспечением в обществе свободы мысли и слова, права на выражение мнения. Это право гарантировано ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 29 Конституции РФ. По логике, основания для ограничения публичности судебного разбирательства должны быть близкими к основаниям ограничения свободы мысли и слова. При таком подходе «мораль» становится допустимым ограничением в силу конституционной природы свободы выражения мнения (в данном случае – о ходе судебного разбирательства). Однако практика и Евро-

[8] См.: Бойко Д.В. О соотношении понятий «усмотрение» и «дискреция» // Право как ценность и средство государственного управления обществом. – Волгоград: ВА МВД России, 2008. – С. 25–29; Капицын В.М. Государственная дискреция как проблема конституционного права // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 3. – С. 2–7.

[9] См.: Крусс В.И. Конституционная судебная дискреция в механизме конституционализации правовой системы России // Российская юстиция. – 2012. – № 9. – С. 39.

[10] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе информации о деятельности судов» от 13 декабря 2012 г. № 35 // Российская газета. 2012. 19 дек.

пейского суда по правам человека и российских судов исходит из того, что особенности правосудия как самостоятельного вида государственной деятельности требуют своих собственных оснований ограничения публичности по моральным основаниям, которые не всегда совпадают с основаниями ограничения свободы мысли и слова. Это обусловлено, с одной стороны, необходимостью обеспечения независимости и беспристрастности правосудия, с другой – демократическим требованием публичности судебного разбирательства, что обеспечивает особый социальный контроль правосудия. Во многих случаях общество должно сознательно «жертвовать» общественной моралью в целях обеспечения гласности судебной деятельности, в других случаях, напротив, снижать уровень демократичности правосудия для защиты моральных ценностей. Границы между этими конкурирующими подходами должен установить законодатель и правоприменитель. В противном случае правоприменительная практика обречена на неопределенность, непредсказуемость, нестабильность, что препятствует полноценной реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Мораль в широком смысле слова представляет собой систему регулирования общественных отношений, связанную с категориями «добра и зла». В этом смысле «мораль» можно было бы отождествить с «нравственностью»[11], однако многие ученые усматривают между ними существенную разницу. По мнению этих авторов, нравственность представляет собой некую «внутреннюю» систему принципов и правил поведения в обществе, которую устанавливает для себя автономная человеческая личность, опирающаяся на свои собственные представления о добре и зле вследствие воспитания, культуры и личного опыта. В отличие от этого, мораль представляет собой некие «внешние» социальные правила, которым должны следовать индивиды вследствие их жизни в обществе[12]. При этом юридическая наука в целом сходится в общем мнении, что и мораль, и право есть системы социального регулирования общественных отношений, которые следует отличать от обычаев, традиций, обрядов и других систем социальных норм[13]. Мораль отличается от них вследствие оценки поведения субъектов на основе критериев добра и зла; право – ввиду его властной природы, органической связи с государством, обеспеченности государственным принуждением[14].

Вместе с тем, термин «мораль» может быть истолкован и в более узком значении. Для обозначения этих особенностей в русском языке нередко используется понятие «общественная мораль»[15], которое означает «пристойность»[16], чаще всего – в сексуально-интимном контексте[17]. Смысл этой категории состоит в сохранении конфиденциальности интимных отношений между мужчиной и женщиной, включая само их наличие, персональный состав участников и другие подробности, которые не принято афишировать в российском обществе[18]. Многих российских сограждан удерживает от судебной защиты нарушенных прав наличие рисков оглашения подобных сведений, которые имеют «общественно-моральную»

[11] См.: Агаронян К.Р. Мораль и нравственность как регулятор поведения личности // Актуальные проблемы юридических и гуманитарных наук. – Астрахань, 2009. – С. 153–155.

[12] См.: Румянцева В.Г. Проблема соотношения права, морали и нравственности в русской философии права конца XIX – начала XX века // Научные труды РАЮН. – 2003. – Вып. 3. – Т. 1. – С. 277–282.

[13] См.: Ботвинкин Р.С. Мораль, нравственность и право: проблемы соотношения // Взаимодействие права и морали. – М.: Моск. гуманит. ун-т, 2014. – С. 206–211.

[14] См.: Соколовская Л.В. Диалектика взаимодействия права, морали и нравственности // Lex Russica. – 2008. – № 4. – С. 740–751.

[15] См.: Петренко Ю.А. Нормы поведения, отвечающие общественной морали в социально-правовом аспекте // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. – Краснодар: КУ МВД России, 2013. – С. 300–302; Семин В.Ю. Общественная мораль как объект административного правонарушения // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение. – Белгород: БЮИ МВД России, – 2003. – С. 223.

[16] См.: Занина Т.М., Рыдченко К.Д. Некоторые особенности правовой защиты личности, общества и государства от оборота непристойной информации // Правовые реформы в современной России: значение, результаты, перспективы. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 121–134.

[17] См.: Полянская М.П. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали: Автореф… канд. юрид. наук. – Владивосток, 2009. – С. 10.

[18] См.: Головкин Р.Б. Правовое и иное социальное регулирование интимных отношений // Правовая политика и правовая жизнь. – 2006. – № 3. – С. 162–172.

природу. На наш взгляд, при подобных обстоятельствах российские суды должны по возможности удовлетворять ходатайства сторон о проведении закрытого судебного заседания или ограничении публичности части судебного разбирательства, когда суд вынужден исследовать соответствующие доказательства по делу (заслушивать показания свидетелей, исследовать документы и материалы и т.д.), тем более в условиях, когда соответствующие основания четко указаны в гражданско-процессуальном и уголовно-процессуальном законодательстве России.

По существу «моральную» мотивацию имеют и законодательные ограничения гласности судопроизводства, связанные с защитой интересов несовершеннолетних лиц. В силу конституционного принцип равенства всех перед законом и судом, по общему правилу граждане равны в правах и обязанностях вне зависимости от их возраста. Однако жизненный путь каждого человека сопряжен с личностным, психическим и нравственным развитием, начиная с самых ранних этапов, когда ребенок еще не способен двигаться, говорить, тем более понимать значение своих действий, руководить своими поступками, осознавать свою социальную роль, руководствоваться общественными нормами, нести социальную ответственность за свои действия и бездействие. В условиях еще не сформировавшегося «взрослого» нравственного сознания и правосознания к индивиду не могут применяться на общих основаниях те же требования, что и к зрелому в нравственном и правовом отношениях субъекту. Правовая система учитывает это благодаря ряду юридико-технических приемов и методов, включая институты правоспособности и дееспособности в гражданском праве, недопустимости привлечения к юридической ответственности ранее определенного возраста и т.п. Соответствующие процессуальные институты гарантируют ограничения публичности судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних. Главная их цель состоит в бережном отношении общества к неокрепшей психике несовершеннолетних, учете фактического уровня развития их личностей. В несовершеннолетней среде наблюдаются, с одной стороны, факты чрезвычайной жестокости, с другой – ранимости, восприимчивости, подверженности чужому влиянию (зачастую негативному, даже преступному). Поэтому общество должно уметь оптимально сочетать воспитательное и правоохранительное воздействие на соответствующие личности. Огласка самого факта судебного разбирательства в отношении несовершеннолетнего может весьма негативно повлиять на его дальнейшее моральное развитие[19]. Поэтому российское законодательство допускает, в виде исключения, определенные отступления не только от принципа публичности разбирательства, но и публичности провозглашения ряда судебных решений, если это обусловлено необходимостью защиты интересов несовершеннолетних.

В связи с этим примечательна норма ч. 6 ст. 241 УПК РФ, согласно которой лицо, не достигшее возраста шестнадцати лет и не являющееся участником уголовного судопроизводства, может находиться в зале судебного заседания только с разрешения председательствующего. По существу, это правоограничение представляет собой отступление от общего правила о публичности разбирательства, мотивированное возрастным критерием. Однако его не следует толковать в качестве дискриминации по возрастному признаку, т.е. противоправного нарушения требований ст. 19 Конституции РФ. Напротив, оно имеет целью законно ограничить публичность разбирательства по моральному основанию вследствие требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Председательствующий в судебном заседании имеет возможность выяснить, какие именно причины побудили данного несовершеннолетнего к присутствию в заседании, способен ли он адекватно оценивать происходящее, не нанесет ли это ущерб его нравственным ценностям. Диспозитивный характер анализируемой правовой нормы, наличие достаточных дискреционных полномочий суда в

[19] См.: Наделяева Т.В. О проблеме гласности судебного разбирательства по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Современные проблемы судоустройства и организации судебной деятельности в Российской Федерации. – Екатеринбург: УГЮА, 2013. – С. 112–115; Мулюков У.А. Проведение закрытого судебного разбирательства о преступлениях несовершеннолетних как одна из гарантий эффективности осуществления правосудия // Российский судья. – 2007. – № 1. – С. 14–16. Смолькова И.В. Закрытые судебные заседания по делам о преступлениях несовершеннолетних // Дружественное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики. – Улан-Удэ: БГУ, 2013. – С. 62–65.

зависимости от тех или иных обстоятельств свидетельствуют о достаточно разумном, справедливом и сбалансированном подходе законодателя к правовому регулированию данных общественных отношений. Сам по себе возраст еще не свидетельствует об ограничении прав несовершеннолетнего, значение имеют фактические обстоятельства, которые подлежат оценке со стороны председательствующего в заседании.

На основании изложенного можно сформулировать вывод о том, что мораль является необходимым основанием для ограничения в обществе конституционного права на публичное судебное разбирательство. Сужение моральных оснований в действующем российском праве до защиты интимной жизни, обеспечения чести и достоинства участников судопроизводства и обеспечения прав несовершеннолетних лиц лишает суд правовой возможности при определенных обстоятельствах морального содержания принять решение о закрытом судебном разбирательстве, в то время как ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод это допускает. Законодатель может выбрать путь конкретизации моральных оснований либо ограничиться упоминанием данного основания в УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ и КоАП РФ, что давало бы судам возможность использования этого общепринятого стандарта Европейского механизма защиты прав человека.

Вместе с тем изучение практики Европейского суда по правам человека показывает, что фактическое ограничение права на публичность разбирательства по моральным основаниям – весьма редкое явление; данную процессуальную форму судам надлежит использовать в исключительных случаях, когда доводы ходатайствующего о закрытом разбирательстве лица убеждают суд в подлинной необходимости этого. Степень этой потребности должна быть настолько высокой, чтобы «перевесить» охраняемую конституционным правом ценность принципов публичности правосудия и его демократической подконтрольности обществу. Судам при разрешении данных ходатайств следует принимать во внимание возможную степень вреда закрытого судебного разбирательства, что предполагает социальные сомнения в справедливости и полноте разбирательства, мотивах сокрытия от общества судебной информации, отказа СМИ и публике в присутствии в зале суда. Поэтому обстоятельства морального содержания должны быть не просто существенными. Они должны быть экстраординарными в силу конкретных юридических обстоятельств дела, личности ходатайствующего лица, принятых в обществе моральных стандартов поведения в данный исторический промежуток времени.

Библиография/References

Наделяева Т.В. О проблеме гласности судебного разбирательства по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Современные проблемы судоустройства и организации судебной деятельности в Российской Федерации. – Екатеринбург: УГЮА, 2013. – С. 112–115.

Мулюков У.А. Проведение закрытого судебного разбирательства о преступлениях несовершеннолетних как одна из гарантий эффективности осуществления правосудия // Российский судья. – 2007. – № 1. – С. 14–16.

Смолькова И.В. Закрытые судебные заседания по делам о преступлениях несовершеннолетних // Дружественное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики. – Улан-Удэ: БГУ, 2013. – С. 62–65.

Селютина Е.Н. Правовой статус ребенка как юридическая категория: понятие, структура, специальная правосубъектность// Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 2–1 (12). – С. 87–93.

Nadeljaeva ,T.V. (2013) O probleme glasnosti sudebnogo razbiratel'stva po ugolovnym delam s uchastiem nesovershennoletnih //Sovremennye problemy sudoustrojstva i organizacii sudebnoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii. – Ekaterinburg: UGJuA, p. 112–115. (In Russ.)

Muljukov, U.A. (2007)Provedenie zakrytogo sudebnogo razbiratel'stva o prestuplenijah nesovershennoletnih kak odna iz garantij jeffektivnosti osushhestvlenija pravosudija //Rossijskij sud'ja. V.№ 1, p. 14–16. (In Russ.)

Smol'kova, I.V. (2013) Zakrytye sudebnye zasedanija po delam o prestuplenijah nesovershennoletnih // Druzhestvennoe k rebenku pravosudie i problemy juvenal'noj ugolovnoj politiki. – Ulan-Udje: BGU, p, 62–65. (In Russ.)

Seljutina, E.N.(2014) Pravovoj status rebenka kak juridicheskaja kategorija: ponjatie, struktura, special'naja pravosub'ektnost'//Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo Upravlenija. Vol. 2–1 (12), p. 87–93. (In Russ.)